

ОДИССЕЙ

2005

Время и пространство
праздника

Школа «Анналов» на рубеже
веков

Девiantное поведение русских
горожан в XVIII веке

Caritas Святого Геральда

Павел I: рыцарство и юродство

«Your country needs you»

НАУКА

2005

ОДИССЕЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Festival:
Time and Space*

2005

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Время и пространство
праздника*

2005

Продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
основано в 1989 году

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
А.В. ТОЛСТИКОВ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции М.Л. КОПЫТОВА

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук В.Г. ЧЕНЦОВА,
кандидат исторических наук А.В. ШАРОВА

Одиссей : Человек в истории / [гл. ред. А.Я. Гуревич ; Ин-т всеобщ. истории]. – М. : Наука, 1989. –

2005. – 2005. – 470 с. – ISBN 5-02-010264-4 (в обл.).

В статьях ведущих представителей “школы Анналов” – М. Эмара и Ж.-И. Гренье обсуждаются проблемы эпистемологии и теории исторического познания. Главный раздел номера посвящен историческому анализу феномена праздничной культуры. Большое внимание уделяется также теме “Историк и изображение”. В этом разделе публикуется статья выдающегося итальянского историка К. Гинзбурга.

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкого круга читателей.

Темплан 2005-I-330

ISBN 5-02-010264-4

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, редакционно-издательское оформление), 1989 (год основания), 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО ПРАЗДНИКА

Г.В. Бондаренко

ВВЕДЕНИЕ: ВРЕМЯ ПРАЗДНИКА 5

Г.В. Бондаренко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕИР-
ЛАНДСКОГО ПРАЗДНИКА 8

М.Ю. Реутин

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОВОДУ КАРНАВАЛЬ-
НОГО “ХРОНОТОПА” 23

Д.Э. Харитонович

ВЕСЕЛИЕ И НАСИЛИЕ 38

З.А. Чеканцева

ПРАЗДНИК И БУНТ ВО ФРАНЦИИ МЕЖДУ ФРОНДОЙ
И РЕВОЛЮЦИЕЙ 49

Л.А. Пименова

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КОРОЛЕВСКОГО ПРАЗДНИКА
ВО ФРАНЦИИ КОНЦА СТАРОГО ПОРЯДКА 68

В.Я. Петрухин

“ПРАЗДНИК” В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ; К ПРОБЛЕМЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ 81

Л.А. Трахтенберг

СУМАСБРОДНЕЙШИЙ, ВСЕШУТЕЙШИЙ И ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ
СОБОР 89

О.С. Воскобойников, Г.В. Бондаренко

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 119

ЖУРНАЛУ “АННАЛЫ” 75 ЛЕТ

А.Я. Гуревич

ПОЗИЦИЯ ВНЕАХОДИМОСТИ 122

М. Эмар

“АННАЛЫ” – XXI ВЕК 131

Ж.-И. Гренье

РАЗМЫШЛЕНИЯ О “КРИТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ” 138

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЕ

Ж. Баше

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИКОНОГРАФИИ 152

К. Гинзбург

“ТЫ НУЖЕН СВОЕЙ СТРАНЕ”: ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗ ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИКОНОГРАФИИ 191

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

И.М. Супоницкая

КОЛОНИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ: СИБИРЬ И АМЕРИКАНСКИЙ ЗАПАД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.) 219

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Б.С. Каганович

НАДЕЖДА ОСЕЕВНА ЩУПАК. ЖИЗНЬ И СУДЬБА 241

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ

Ю.П. Соловьев

РЫЦАРСТВО И ЮРОДСТВО. К ПОЭТИКЕ ОБРАЗА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВОГО 262

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.М. Кром

К ПОНИМАНИЮ МОСКОВСКОЙ “ПОЛИТИКИ” XVI в.: ДИСКУРС И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНАРХИИ 283

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ*О.А. Савельева*

“СВЕТ КОНЧИНЕ МОЕЙ...”: ОБРАЗ РАЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ 304

А.А. Панченко

КУЛЬТ ЛЕНИНА И “СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР” 334

МИКРОИСТОРИЯ*А.Б. Каменский*

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РУССКОМ ГОРОДЕ XVIII в. 367

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА*Ю.Е. Арнаутова*

CARITAS СВЯТОГО ГЕРАЛЬДА: К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В *VITA S. GERALDI* ОДО КЛЮНИЙСКОГО 393

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*И.Г. Галкова и С.И. Лучицкая*) 428

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000
Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в. М., 2003 (*О.Е. Кошелева*) 443

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

CONTENTS

FESTIVAL: TIME AND SPACE

<i>G.V. Bondarenko</i>	
INTRODUCTION: THE TIME OF FESTIVAL	5
<i>G.V. Bondarenko</i>	
ON SOME PECULIARITIES OF THE FESTIVITY IN EARLY IRISH TRADITION	8
<i>M.Yu. Reutin</i>	
SOME DELIBERATIONS ON THE CARNIVAL'S 'CHRONOTOPE'	23
<i>D.E. Kharitonovich</i>	
JOY AND VIOLENCE	38
<i>Z.A. Chekantseva</i>	
FESTIVAL AND RIOT IN FRANCE BETWEEN THE FRONDE AND THE REVOLUTION	49
<i>L.A. Pimenova</i>	
THE SPACE AND THE TIME OF THE LATE <i>ANCIEN RÉGIME</i> FRENCH ROYAL FESTIVAL	68
<i>V.Ya. Petrukhin</i>	
'FESTIVAL' IN THE MEDIEVAL RUSS'. TOWARDS THE PROBLEM OF ITS HISTORICAL PECULIARITIES	81
<i>L.A. Trakhtenberg</i>	
ALL-MAD, ALL-JESTING, ALL-DRUNKEN ASSEMBLY	89
<i>O.S. Voskoboïnikov, G.V. Bondarenko</i>	
CONCLUSION	119

ANNALES' 75TH ANNIVERSARY

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
POSITION OF OUTSIDENESS	122
<i>M. Aymard</i>	
THE ANNALES IN THE 21 ST CENTURY	131
<i>J.-Y. Grenier</i>	
THE DELIBERATIONS ON THE 'CRITICAL TURN'	138

HISTORIANS AND IMAGES*J. Baschet*

MEDIEVAL IMAGES AND SOCIAL HISTORY: NEW POSSIBILITIES OF ICONOGRAPHY	152
--	-----

C. Ginzburg

“YOUR COUNTRY NEEDS YOU”: A CASE-STUDY IN POLITICAL ICONOGRAPHY	191
---	-----

COMPARATIVE HISTORY*I.M. Suponitskaya*

RUSSIA AND AMERICA: EXPERIENCE OF COLONIZATION (THE SECOND HALF OF THE 19 TH CENTURY)	219
--	-----

THE HISTORIAN AND THE TIME*B.S. Kaganovich*

NADEZHDA OSEEVNA STCHOUPAK. LIFE AND DESTINY	241
--	-----

INDIVIDUAL AND HISTORY*Yu.P. Solovjev*

CHIVALRY AND FOOLISHNESS FOR CHRIST'S SAKE. ON THE POETICS OF THE IMAGE OF EMPEROR PAUL I	262
---	-----

NEW POLITICAL HISTORY*M.M. Krom*

UNDERSTANDING MUSCOVITE 'POLITICS' OF THE 16 TH CENTURY: DISCOURSE AND PRACTICE OF RUSSIAN LATE MEDIEVAL MONARCHY	283
--	-----

THE ISSUES OF HISTORY OF POPULAR CULTURE*O.A. Savelieva*

“THE LIGHT FOR MY DECEASE...”: OLD-BELIEVERS' PARADISE IMAGERY	304
--	-----

A.A. Panchenko

LENIN'S CULT AND THE 'SOVIET FOLKLORE'	334
--	-----

MICROHISTORY

A.B. Kamensky

DEVIANT BEHAVIOUR IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN TOWN 367

PROBLEMS OF HISTORICAL NARRATIVE

Yu.Ye. Arnautova

ST. GERALD'S *CARITAS*: ON THE PROBLEM OF AUTHOR'S INTENTIONS IN *VITA S. GERALDI* BY ODO OF CLUNY 393

BOOK REVIEWS

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*J.G. Galkova, S.I. Luchitskaya*) 428

A.S. Lavrov. Witchcraft and Religion in Russia. 1700–1740. Moscow, 2000;
Ye.B. Smilianskaya. Magicians. Blasphemers. Heretics. Popular Religious Ideas and “Spiritual Crimes” in the 18th Russia. Moscow, 2003 (*O.Ye. Kosheleva*) 443

ANNIVERSARIES 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

СУМАСБРОДНЕЙШИЙ, ВСЕШУТЕЙШИЙ И ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ СОБОР

Всешутейший собор, если рассматривать его в контексте того явления, которое условно можно было бы назвать праздничной культурой, представляется объектом в определенном смысле маргинальным. Парадоксальным образом, он одновременно и находится и не находится в сфере этой праздничной культуры, точнее – те “церемонии”, которые его члены устраивали, как будто бы одновременно и являются праздниками, и не являются ими. Одни особенности этих “церемоний”, казалось бы, недвусмысленно указывают на то, что считать их праздниками правомерно и даже необходимо; другие, напротив, не менее определенно свидетельствуют в пользу противоположного решения. И сам Всешутейший собор, будучи, как неоднократно отмечалось, своеобразным комическим и пародическим “социальным институтом”¹, также сопоставим с другими комическими и пародическими “институтами”, известными из истории Европы, но в то же время существенно от них отличается. Кажущаяся парадоксальность этого положения заставляет с особым вниманием рассмотреть те факты из истории Всешутейшего собора, которые нам известны, поместив их в контекст праздничной культуры. Чтобы попытаться понять, действительно ли намеченное противоречие существует и чем эту ситуацию можно было бы логически объяснить. Именно такой видится задача данной работы: попытаться продемонстрировать то, в чем же состоит специфика связанных с деятельностью Всешутейшего собора “церемоний” как если бы праздников, то праздников особого рода, и в чем специфика самого этого “института” на фоне других в некотором отношении подобных ему “организаций”. Представляется целесообразным сначала рассмотреть сам Всешутейший собор, а уже потом характеризовать каждую “церемонию” в отдельности, поскольку, как будет видно из дальнейшего изложения, именно Собор служил тем организующим центром, вокруг которого “церемонии” группировались, и именно он объединял их в своего рода систему. А, в свою очередь, не понимая единства этой системы, трудно интерпретировать не только Всешутейший собор как “организацию”, но и отдельные празднества, связанные с ним.

Итак, собственно Всешутейший собор был не чем иным, как особого рода “организацией”, “социальным институтом”, причем “институтом” пародическим: его структура и тщательно разработанный при непосредственном участии Петра I (в основном им лично) церемониал представляли собою пародию на структуру и церемониал церкви, прежде всего православной, но, хотя в меньшей сте-

пени, также и католической. (К пародированию церкви деятельность Всешутейшего собора, впрочем, не сводилась – см. ниже). Состав Всешутейшего собора был достаточно постоянным и фиксировался в списках (всегда неполных, но достаточно больших²); наряду с ничем не примечательными личностями, не сыгравшими, по-видимому, сколько-нибудь заметной роли в российской истории, среди членов Собора были такие государственные деятели, как Г.И. Головкин, Т.Н. Стрешнев, И.А. Мусин-Пушкин, Ф.М. Апраксин и, конечно же, сам Петр I, причем все они носили в Соборе особые “титулы” “заимствованные, – как пишет один современник, – от церкви”³: “диаконы”, “иподиаконы”, “попы”, “архиереи”, “митрополиты”, “архигуменья” и “князь-игуменья” (“титулы” могли быть, впрочем, более сложными: например, Головкин именовался “диаконом Гавриилом Долговещным”⁴ и т. д.). Петр I был в Соборе “диаконом” “архидиаконом” или “протодиаконом”. Эти “титулы” зафиксированы не только в заметках иностранных посланников, являющихся важным источником сведений о деятельности Всешутейшего собора, но и в документах, созданных членами Собора – а таких документов было немало: это и упомянутые списки членов, и “программы различных празднеств (“чины” избрания и “поставления” – см. ниже), и частная переписка, например Петра I с Зотовым, переписка очень интересная и с какой-то точки зрения остроумная. Вступлению в члены Собора обставлялось торжественно: устраивалась церемония, пародирующая поставление архиереев Русской Православной церкви. У Собора был постоянный глава, носивший “титулы” “князь-папа”, “всешутейший и всепьянейший князь-папа”, “святейший князь-папа и патриарх” и даже “великий господин святейши кир Ианикита, архиепископ Прешпурский и вся Язуы и всего Коку патриарх”⁵, который избирался посредством достаточно сложной процедуры, затем проходил торжественный обряд посвящения (“поставления”) и занимал свою должность пожизненно (известно, что в этом качестве Всешутейший собор возглавляли Матвей Филимонович Нарышкин, Никита Моисеевич Зотов и Петр Иванович Бутурлин). “Князь-папа”, как если бы был лицом духовным, подавал благословение, причем не только членам Всешутейшего собора. Члены Собора носили особые одеяния, также представлявшие собой пародию на одеяния священнослужителей. Вот что пишет об этом, например, современник Б.И. Куракин: “И одеяние (“князя-папы” Л.Т.) было поделано некоторым образом шуточное, а не так властное, как на приклад патриарху: митра была жестяная, на формах митр епископов католических, и на ней написан был Бахус на бочке; также по одеянию партии игранные нашивы были; также вместо панатей флаги глины надеваны были с колокольчиками. А вместо Евангелия была сделана книга, в которой несколько стклянок

шюкою”⁶. Просуществовал Всешутейший собор не менее тридцати лет с начала 1690-х до середины 1720-х годов.

Деятельность Всешутейшего собора включала в себя разнообразные “церемонии”. К ежегодным “церемониям” относится “славение”, устраивавшееся на святки и состоявшее в том, что члены Всешутейшего собора ездили по городу, приезжали в богатые дома, там пели и требовали себе угощения. Особая процессия устраивалась в Вербное воскресенье и представляла собой пародию на обряд “шествия на осляти”, совершавшийся также в Вербное воскресенье до начала 1690-х годов. Кроме того, устраивались обряды “поставления” членов Собора, пародировавшие, как уже было отмечено, поставление архиереев Русской Православной церкви; что касается процедуры избрания “князя-папы”, то она также представляет как пародия, но уже на обряд избрания папы римского. (Следует отметить, что эти “церемонии” также нередко устраивались именно во время святок.) Далее, здесь же нужно назвать свадьбы “князя-папы” Зотова и “князя-папы” Бутурлина (в 1715 и 1721 гг. соответственно), также включавшие элементы пародии на традиционный свадебный обряд. Члены Всешутейшего собора участвовали и в маскарадах в конце петровского правления по случаю заключения Ништадтского мира, причем надевали свои особые облачения, выделяясь этим среди прочих масок. (Немаловажно, что один из этих маскарадов был устроен на масленицу.) Обобщая сказанное, можно отметить, что функционирование Всешутейшего собора как особого рода “института” состояло в организации разнообразных “церемоний”, как регулярных, так и нерегулярных, нередко, но не всегда приуроченных ко времени традиционных календарных праздников. Эти “церемонии”, при всех своих различиях (которые будут видны дальше, при более подробном описании), группируются вокруг Всешутейшего собора, оказываются благодаря ему взаимосвязанными, что и обуславливает необходимость рассматривать их не по отдельности, но в соотнесенности с самой этой пародической “организацией”.

Важно отметить, что перечисленные особенности Всешутейшего собора как “организации” – пародическое название и иерархическая структура, воспроизводившая структуру церкви, “титулы” его членов и их особые костюмы, пародический же ритуал вступления в члены Собора, наличие корпуса текстов, связанных с его деятельностью – опять же “смеховых” и пародических, – существование выборной “должности” “князя-папы”, участие Всешутейшего собора в организации разнообразных празднеств, в том числе приуроченных ко времени календарных праздников, наконец, присутствие среди членов Собора представителей элиты общества и т.д. – свойственны не ему одному. Они присущи также целому ряду комических “соци-

альных институтов”, известных из европейской истории Средневековья и Нового времени (на что исследователи Всешутейшего собора, как правило, не обращали внимания). Эти “институты”, которые можно было бы назвать комическими обществами (следуя за К.Ф. Флэгелем, который в своей книге “Geschichte des Grotesken und Komischen” предложил именно такое название – komische Gesellschaften⁷⁾), достаточно многочисленны. Вот лишь некоторые примеры. Одно из ранних комических обществ, Geckengesellschaft, было основано в 1381 г. тридцатью семью дворянами, которые скрепили документ о создании этого “ордена” своими печатями. Они обязывались носить на своем платье изображение шута в колпаке, наполовину красном, наполовину серебряном, с серебряными бубенцами, а за уклонение от ношения этого знака должны были в качестве штрафа отдать три гроша бедным. В обществе были выборные “должности” “короля” и шестерых “советников”. Общество было организовано на началах равенства, различия в положении между его членами должны были быть забыты. Другое очень известное общество Mater stultorum (или la Mère folle, La Mère folie, L’Infanterie Dijonnaise – “Мать дураков”, или “Дижонская пехота”) действовало в Дижоне в XV–XVII вв. Оно насчитывало нередко более пятидесяти членов, принадлежавших к разным социальным слоям: среди них были принцы, епископы, члены парламента, ученые, купцы и художники. Дата основания этого общества неизвестна, однако уже в 1454 г. оно существовало, и герцог Бургундский Филипп Добрый подтвердил его права особым актом, составленным в стихах. Целью общества было сначала развлечение, однако скоро задачу его стало видеть в том, чтобы “обезвреживать глупцов и интриганов или подвигать их всеобщему осмеянию и таким образом исправлять”⁸⁾. Члены общества собирались ежегодно во время карнавала, одеты в виноградарями. Кроме того, собрания проводились и по другим торжественным случаям: во время больших придворных праздников свадеб, дней рождения. Члены общества устраивали торжественные процессии. Их одежда была трех цветов: зеленого, красного и желтого; кроме того они носили шапки с бубенцами тех же цветов. Глава общества именовался La Mère folle и имел при себе “двор”, состоявший из “швейцарской гвардии”, “конной гвардии”, “домашних слуг”, “канцлера” и т.д. “Пехота” насчитывала более чем 200 человек. Тот, кто хотел вступить в состав общества, должен был сдать “экзамен” в присутствии “Матери дураков”, причем и вопросы, и ответы должны были быть стихотворными. Принятому в общество вручался написанный на пергаменте краской трех цветов диплом. Того же, кто чем-либо оскорбил члена общества, вызывали к “Матери дураков”, которая назначала ему наказание: например, выпить большое количество воды или уплатить штраф. В XV–XVI вв. в Ру

то и в Эвре действовало *Societas Cornadorum* (или *Societas Cornadorum*). Сначала его целью было “исправление нравов посредством смеха”, но потом члены этого общества стали оскорблять и виновных, и невинных, и этот “обычай” был искоренен “мирской и духовной властью”⁹. Один из членов общества избирался его главой – аббатом” (*Abbas Cornadorum*). “Аббата” в епископской митре и епископским жезлом торжественно везли по городу (в Руане он ездил на повозке, а в Эвре – на осле), и при этом участники шествия высмеивали над всем, что случилось в течение года. “Аббат” выдавал, как и “Мать дураков”, “бурлескные патенты”¹⁰, но написаны они были по-латыни. Чрезвычайно известна также “Бабинская республика” (*Rzeczpospolita Babińska*). Она существовала в Польше в XVI–XVII вв.¹¹ Структура этого общества представляла собой пародию на государственное устройство Польши. Считалось, что членами “Бабинской республики” избирали тех, кто нарушал приличия или был известен своими странностями. При этом каждому присваивалось “звание”, соответствовавшее тому, какие именно “проступки” он совершил: например, того, кто хвастался, говоря о битвах и войнах, назначали “рыцарем Золотой шпоры”, кто говорил о том, чего не понимает, становился “архиепископом” и т.д. В знак принятия в это общество новому члену торжественно вручали патент с большой печатью. Если же кто-либо был избран членом “Бабинской республики”, но отказывался вступить в нее, его высмеивали до тех пор, пока он не подчинится воле общества. Долгом членов “республики” считалась правдивость и соблюдение правил хороше-го тона в общении друг с другом; насмешка, сатира не должна была быть обидной или оскорбительной. Во Франции в 1702–1752 гг. существовал “Полк в ермолках” (*Le Régiment de la calotte*)¹², в состав которого входили представители знатных фамилий. Члены “Полка” считали своей задачей “облагородить” смех, вернуть его к традиционным для французского дворянства “благопристойным” формам. Те, кого “ермолочники” высмеивали, зачислялись в “Полк” “в смысле проницательном” (в отличие от самих насмешников – членов “Полка” “в прямом смысле”). Им должны были выдаваться “грамоты” – сатирические поэмы из полусотни стихов или небольшие сочинения в прозе”, представлявшие собой пародию на жалованные грамоты. В сочинениях “ермолочников” описан торжественный ритуал вручения грамот, включавший “комический допрос” (пародия на допрос с пристрастием), декламацию грамоты, баллотировку и т.д. Этот ритуал, представлявший собой пародию на заседания Французской академии, парижского парламента, Регентского совета и т.д., вымышленный, поскольку в действительности получать грамоты никто не являлся. Еще одним (по-видимому, уже реальным) ритуалом “Полка в ермолках” была “сарабанда”, во время которой “дра-

гуны” Полка «надевали “ермолочные” наряды и ... отправлялись, декламировать издевательскую грамоту под окнами своей жертвы, они, «дабы рассмешить толпу зевак, “улаживают их слух жалобными стенаниями вперемешку с тягучими речитативами”»; «прибы под окна жертвы, “ермолочное войско” принимается “атаковать, п кать, хохотать, пересмеивать, колотить и вопить”, иначе говор публично унижать свою жертву». Этот ритуал А. де Бэк связыва с “простонародной культурой смеха”¹³. Кроме упоминавшихся гр мот члены общества создали немало других комических литерату ных произведений, прежде всего, носивших пародический характе Наконец, в Англии с 1735 до 1869 г. действовало The Sublime Soci of Beefsteaks¹⁴. В нем был “председатель”, обязанный строго соблю дать все правила общества, “заместитель председателя”, “епископ “протоколист”, который порицал присутствующих за проступк подлинные или вымышленные, и “слуга”. Новый член общества, к торым мог стать лишь тот, кто уже хотя бы дважды был приглаше туда в качестве гостя, бывал принят в него весьма торжественно. В время соответствующей церемонии “протоколист” произноси речь, в которой “то серьезно, то весело” говорил о “подлинно бра ском духе Высокого Общества Бифштексов”, о равенстве “брат ев”, которое никогда не должно было “вырождаться в неуместну фамильярность” и т.п.; принимаемый в общество выслушивал э речь с завязанными глазами, а затем произносил клятву¹⁵.

Перечисление комических обществ можно было бы продо жить, однако уже приведенных примеров достаточно, чтобы выд лить их общие черты. Наиболее очевидны такие общие особенно ти, как *комизм* и *пародический характер* (последний признак, впр чем, присущ, по-видимому, не всем комическим обществам), одна сходство между перечисленными “организациями” этим не огран чивается. Так, многие из них носили названия, пародирующие на менования реально существовавших социальных институто (“L’Infanterie Dijonnaise”, “Rzeczpospolita Babińska” и др.); у их член были в большинстве случаев “титулы” или прозвища, также парод ческие, а нередко и “форменная” одежда, чаще всего указывавш на комический характер общества и иногда свидетельствовавшая статусе владельца в рамках его; членство в этих обществах обычи являлось постоянным. Такие общества нередко характеризовали достаточно сложной иерархической структурой с множеством ра личных “должностей” и “званий”. Чаще всего принятие в состав к мического общества обставлялось весьма торжественно и во многи случаях предполагало вручение участнику патента, удостоверяющ го членство в обществе. Глава общества, а иногда и некоторые др гие “официальные” лица, во многих случаях избирался. Как прав ло, эти “организации” существовали на протяжении достаточно дл

...ого периода времени, иногда более двух веков. Многие из них
...нишировались прежде всего во время календарных праздников
...ример, в последние три дня карнавала), в которых принимали
...шиное участие, но также и в другие праздничные или непразднич-
...е дни, однако и в периоды между такими датами они не прекра-
...ли свое существование. Многие общества такого рода учрежда-
...ли и функционировали официально или полуофициально. С дея-
...тельностью этих “организаций”, как правило, бывал связан корпус
...ств, объединяемых общей системой мотивов: это и названные
...ние патенты участников, прочие “псевдоофициальные” тексты, и
...ственно литературные произведения. Наконец, данные организа-
...ии, по-видимому, нередко возникали среди образованных, иногда
...высокопоставленных членов общества.

Нетрудно заметить, что Всешутейший собор во многом сопоста-
...им с описанными выше комическими обществами: многие из пере-
...ических особенностей, характерных для них, были свойственны
...же и ему. В то же время между Собором и этими “институтами”
...обнаруживаются существенные отличия. Так, если большинство
...описанных выше комических обществ возникло без какого-либо
...принуждения со стороны властей, по инициативе самих членов этих
...организаций”, чаще всего вступавших в них по своей воле, если для
...многих комических обществ, как уже отмечалось, был актуален
...принцип равенства, то деятельность Всешутейшего собора носила
...совершенно иной характер. Собор был всецело подчинен воле
...истра I. То, что “формально” этот пародический “институт” воз-
...главлял не он, разумеется, не могло никого ввести в заблуждение:
...сть многочисленные доказательства того, что именно Петру при-
...надлежала инициатива в делах Собора. Так, многие “документы”
...Собора, в том числе “формально” исходившие от “князя-папы”, на-
...писаны Петром собственноручно. Это относится и к подписке, дан-
...ной “князем-папой” Петру в том, “что во время шумства его, оному
...протодиакону (т.е. Петру I. – Л.Т.) унимать словесно и ручно”, и к
...указу “князя-папы”, предписывавшему иметь во время святок в
...домах пищу на случай “славления”, с “объявлением”, в котором пе-
...речислялось все то, что надлежало приготовить по этому случаю, и
...к документу, в котором “князь-папа” П.И. Бутурлин сообщал
...князь-игумень” Д.Г. Ржевской, что “производит” ее в “архи-игумен-
...ни”; дошел до нас и составленный Петром в 1723 г. “Реестр архи-
...ереям, которые учинились ослушны святейшему князь-папе и ныне
...обитают в Москве своеволием” (23 апреля 1723 г. царь отдал распо-
...ряжение московскому вице-губернатору Воейкову, чтобы перечис-
...ленные в “реестре” члены Всешутейшего собора были немедленно
...насланы в Петербург)¹⁶. Эти документы доказывают и другое:
...деятельности Всешутейшего собора не было той свободы, того ра-

венства, которые, как уже отмечалось ранее, были свойственны не которым комическим обществам. В связи с деятельностью Собора можно говорить о принуждении и насилии: об этом свидетельствует например, приведенный “Реестр”. Доказательств такого принуждения, несвободы, разумеется, больше: некоторые из них будут приведены далее при описании отдельных “церемоний”, связанных с функционированием Собора.

Разумеется, можно возразить, что принуждение и насилие имели место и в деятельности некоторых из описанных выше комических обществ (примеры см. выше). Что касается равенства, то хотя он Всешутейшему собору, разумеется, чуждо, но и для комических обществ тоже необязательно – лишь о некоторых из них мы знаем, что такой принцип должен был в них соблюдаться. Соответственно, такие особенности Собора, как принуждение, насилие и неравенство недостаточны, чтобы противопоставить его всем перечисленным комическим обществам, поскольку некоторым из них они также присущи. Принципиально отличает Всешутейший собор от всех этих “институтов” другое – именно то, что им руководил царь, Петр I. Именно этим можно объяснить и другие различия: хотя не во всех комических обществах, по-видимому, было равенство, но ни один (по крайней мере из перечисленных) не возглавлял монарх – и нигде разумеется, неравенство не было столь явным, угнетение – столь очевидным и жестоким. Постольку, поскольку Всешутейший собор в отличие от всех перечисленных ранее комических обществ, был так близок ко двору и всецело подчинен воле монарха, он находился в совершенно ином положении: эта пародическая “организация” оказывалась, как продемонстрировал в своей работе В.М. Живов как бы “встроенной” в систему государственных институтов. Соответственно, она могла выполнять функции, аналогичные тем, которые были свойственны этим институтам, но, разумеется, не характерные для комических обществ. Вопрос о том, каковы могли быть эти функции, уже неоднократно поднимался в специальной литературе. Согласно одной из наиболее распространенных концепций (Л.Н. Семенова, В.М. Живов), Собор был средством проведения культурной политики Петра I: с его помощью царь стремился подорвать влияние церкви, чтобы утвердить собственную власть, а также дискредитировать прежнюю, допетровскую культуру в целом, сделав ее предметом насмешки; согласно другому мнению (В.О. Ключевский, Н.И. Павленко, Л. Хьюз), Собор служил для развлечения Петра I и, возможно, его приближенных (более подробно об этом см. ниже). Нельзя не обратить внимание на то, что вторая функция естественна для комических обществ, первая же, напротив, совершенно для них не характерна. Но и само развлечение в данном случае приобретает особый смысл и особую природу: поскольку для

и участие в деятельности Собора было принудительным (это следует уже из приведенных выше примеров; о других фактах, подтверждающих это, речь пойдет ниже), эта деятельность не могла быть развлечением в полном смысле слова, но при этом создавала видимость веселья. Деятельность Собора должна была казаться развлечением, но в нем не меньше, чем в любом “серьезном” действии ощущалась власть царя над подданными. Можно предполагать, что таким образом Всешутейший собор служил укреплению самодержавной власти: она распространялась и на сферу “отдыха” и “забавы”, и даже эта сфера общественной жизни была регламентирована и подчинена Петру I точно так же, как и любая другая. Такая гипотеза подтверждается и иными фактами помимо истории Всешутейшего собора: например, известна регламентация Петром I ассамблеи – другой формы развлечения; однако рассмотрение этих проблем выходит за рамки данной статьи.

Эти особенности Всешутейшего собора подтверждаются не только приведенными примерами: они проявляются и во многих “церемониях”, связанных с его деятельностью, каждая из которых при этом обладает определенными структурными особенностями, отличающими ее от прочих. Подробное описание этих “церемоний” не позволит увидеть, в чем состоят их особенности и в чем специфика самого Всешутейшего собора как “социального института”.

Рассмотрение “церемоний” целесообразно начать со “славления”, о котором известно больше, чем о других празднествах, устроенных членами Всешутейшего собора¹⁷. “Славление” начиналось с Рождества и продолжалось до масленицы (по свидетельству Г. П. Куракина) или до Крещения (по указанию Ф.-В. Берхгольца). В нем участвовало, как указывает иностранный дипломат И. Г. Корб, около двухсот человек, причем это были члены Всешутейшего собора, одетые, как правило, в свои костюмы, напоминающие облачения священнослужителей. Они ездили, по более ранним свидетельствам, к “посадским мужикам”, боярам, “палатным людям”, по более поздним – к генералам, вельможам, купцам, причем не только русским, но и иностранным. Там “славельщики” пели песни (по некоторым источникам – только церковные, а по другим – также “шутовские и застольные”) и требовали угощения. Как пишет в своей “Истории о царе Петре Алексеевиче” Б. И. Куракин, “в которых домах приуготовливали столы полные с кушанием, и где прилучится обедали все, а в других ужиновали, а во оных токмо пивали. И продолжалось каждой день до полуночи и разъезжались всегда веселы. Сие славление многим было безчастное и к наказанию от шуток не малому: многие от дураков были биваны, облиты и обрубаны”¹⁸. Ю. Юль же описывает “славление” так: «Огромным роем полетает (компания) в несколько сот человек в дома купцов, князей

и других важных лиц, где по-скотски обжирается и через меру пьет при чем многие допиваются до болезней и даже до смерти. В каждом (доме), где (собрание) “славит”, Царь и важнейшие лица его свиты получают подарки. Во все время, пока длится “слава”, в той части города, которая находится поблизости от (домов), где предполагается славить, для славящих, как для целых рот пехоты отводятся квартиры, дабы каждое утро все они находились под рукою для новых (подвигов). Когда они выславят один край города квартиры их переносятся в другой, в котором они намерены продолжать славить»¹⁹. Особенно интересно свидетельство Н.И. Кашини «И как всешутейший князь-папа приедет, вначале поп битка дворцов вой начинается и певчие государевы поют “Христос рождается” по обычаю; и потом поставят на столе великую чашу, с собою привезенную, налитую вином, и в ней опущен ковш, нарочно сделанное под гербом орла; и в поставленных креслах сядет князь-папа, и возле чаши положены два пузыря говяжьих от больших быков, и в них насыпано гороху, и у той чаши кругом на коленях стоят плешивые. И архидьякон возглашает: “Всешутейский князь-папа, благослови чаше вино!” И потом папа с стола берет по пузырю в руку и, обмочив их в чаше в вине, бьет плешивых по головам, и весна²⁰ ему закричит многолетие разными птичьими голосами. А потом архидьякон из той чаши наливши ковш под гербом, подносит всем присутствующим и грамогласно кричит: “Жалует всешутейший князь-папа вина!” А как выпьет, паки возглашает: “Такой-та архиерей, из чаши пив, челом бьет”. И по обоим все из дому поедут в дом князь-папы, и от него по своим домам, и во всей оно церемонии его величества присутствует»²¹.

Легко заметить, что “славление”, устраивавшееся членами Всешутейшего собора, связано с народными святочными обрядами. Эту связь констатировали еще современники: например, Ф.-В. Бергольц утверждал, что “славление” есть не что иное, как простонародный обычай, введенный Петром I в высших слоях общества. Он наруживается здесь связь, прежде всего, с обычаем колядования, которое “состояло в том, что молодежь собиралась веселыми ватагами, ходила от избы к избе и пела особые песни, которые называли колядками”²². В своих песнях колядовщики сулили хозяевам дом благополучие, хозяева же “награждали певцов чем-нибудь съедным. Подарки эти поющие делили между собой”²³. Кроме того, и известно, что на святки, как и в некоторые другие календарные праздники, в частности, на масленицу и т. п., считалось дозволенным пение, в обычное время запрещенное: выступления скоморохов; разнообразные народные игры²⁵, многие из которых носили пародический характер, воспроизводя в искаженном виде те или иные традиционные обряды или их отдельные элементы, наконец, ряжение;

С другой стороны, существовал и еще один святочный обычай, который и носил название “славления”: ходить на Рождество по домам и славить Христа²⁷. Известно, что этот обычай был принят, в частности, при дворе Алексея Михайловича. “Славельщиками” нередко были духовные лица, певчие, а в день Рождества к царю “славить” приходил и патриарх. Известно, что певчим, приходившим “славить” к царю, царице и патриарху, жаловали мед; кроме того, они получали “славленое”²⁸. Насколько распространен был этот обычай в других слоях общества, сказать трудно. В.И. Чичеров считает, что пение церковных песен, насаждавшееся духовенством в качестве рождественского обряда, в народе не привилось²⁹. М.Г. Рабинович, напротив, указывает на то, что такой обряд был распространен и в огнати и в народе.

Сопоставляя “славление”, которое устраивали члены Всешутейшего собора, с этими обрядами, можно ясно видеть, в чем состоит его своеобразие. С одной стороны, оно совмещает элементы обоих обрядов: то, что члены Всешутейшего собора ездили по городу в своих облачениях (которые, по-видимому, могли восприниматься как маскарадные костюмы, т.е. в соответствии с традицией ряжения), пели песни, требовали подарков и пировали, явно соотносится с обычаями колядования и ряжения, а пение церковных песен, казавшись бы, соответствует традиции “славления” (особенно интересно в этом отношении свидетельство Н.И. Кашина, который указывает, что в соответствующей “церемонии” принимали участие, наряду с членами Всешутейшего собора, государевы певчие). Однако при этом очевидно, что “славление” не только не тождественно этим обрядам, но и достаточно отчетливо противопоставлено по крайней мере второму: участие в нем членов Всешутейшего собора превращает эту “церемонию” в профанацию подлинного “славления”, которая некоторыми, по-видимому, воспринималась как святотатство³⁰. При этом участие в “славлении” для многих было принудительным (это особенно очевидно в описании Б.И. Куракина). Таким образом, ясно, что “славление” если и соответствовало в той или иной мере народной традиции, то представляло собой ее искажение. При этом от традиционных святочных обрядов его отличает не только структура, но и то, что многие участвовали в нем не по своей воле, а по принуждению.

Иной тип праздника представлен “церемонией”, которая устраивалась членами Всешутейшего собора в Вербное воскресенье. По более раннему из двух существующих (кстати, заметно различных между собой) описаний, она состояла в том, что “патриарха шуточного”, т.е. “князя-папу”, везли на верблюде “в сад набережной к погребу фряжскому”, где пили, после чего разъезжались³¹. В этом случае, очевидно, пародируется обряд, называвшийся “шествием на

осляти” или “действом Ваий” и устраивавшийся ежегодно в Верное воскресенье в XVI–XVII вв.³² Во время этой церемонии патриарх³³ ехал на лошади, загримированной под осла и именованной “осля”, от Лобного места в Успенский собор и подавал благословение народу. Лошадь вел под уздцы сам царь. В первые годы царствования Петра I “шествие на осляти” еще совершалось, и сам Петр принимал в нем участие вместе с братом Иваном, в том числе в 1684, 1685, 1692 и 1693 гг.³⁴ Однако известно, что в 1697, 1698, 1699 и 1700 гг. эта “церемония” уже не устраивалась. Как видно, пародический “обряд” в некотором отношении очень точно следует за подлинным: значимо и время его совершения (после обеда, а не после утрени до литургии – “шествие на осляти” обыкновенно проводилось именно в это время), и место (“потешный двор”, “погребок фряжский”, к которому двигалась процессия, в пародической системе соответствий замещавший собор), и то, что после него шел (традиционный обряд, который пародировался, завершался литургией). Элементы существовавшего в допетровскую эпоху церковного обряда последовательно замещаются здесь пародийными элементами; соответственно, вместо сакрального обряда возникает “ритуал” профанический.

Обряды избрания и “поставления” “князя-папы” (и “поставления” других членов Всешутейшего собора) также строятся как пародия на церковные ритуалы. При этом интересно, что пародируются обряды не только православные, но и католические³⁵. В случае избрания “князя-папы” пародируется, главным образом, порядок избрания папы римского, но также и патриарха Русской Православной церкви. Что же касается “поставления”, то оно представляет собой, по-видимому, пародию на хиротонию православных архиереев.

Есть сведения о том, как происходило избрание “князя-папы” в 1717³⁶ и в 1725 гг.³⁷ Многие элементы этих составленных Петром “чинов избирания” в виде неких “сценариев” совпадают. В частности в обоих случаях участники “церемоний” торжественно следовали дом, предназначенный для избрания, и там “архиерецы” Всешутейшего собора заключались в приготовленной для них комнате (“конклавии”, как она именуется в “программах” “церемоний” 1717 г “Князь-кесарь” запирает и запечатывает дверь этого помещения, чтобы “архиерецы” не могли покинуть его. Утром они выходили из “конклавии” и занимали приготовленные для них места в зале, где должно было происходить избрание. Они называли три кандидатуры, после чего “князь-папа” избирался баллотировкой. Избранного несли на его престол. После этого, в соответствии с “чином избирания”, участники “церемонии” целовали его в руку, в которой он держал “орла” (т.е. большой кубок), “також и в яя..., под лоном” и пи

этого кубка; по Веберу, присутствующие, подходя к “князю-папе”, целовали его туфлю, он же подавал присутствующим водку. В заключение “церемонии” нового “князя-папу” сажали в большой экипаж, провожали “всем собором к дому его” (по “чину избирания”; по Веберу, его, посадив в сосуд, торжественно носили по комнате), потом опускали в еще больший чан, “наполненный пивом и вином”, и пили.

Сходство этой “церемонии” с обрядом избрания папы римского очевидно³⁸. Как известно, папа избирается конклавом³⁹. Коллегия кардиналов в день выборов слушает мессу в соборе св. Петра, после чего торжественной процессией отправляется в капеллу Сикста IV, где кардиналы дают клятву, что будут следовать установленным для избрания папы законам⁴⁰. Единственная дверь конклава запирается, и кардиналы не имеют права покидать помещения до завершения процедуры. Известно также, что после избрания кардиналы целуют новопоставленного папу по губам и руку. Затем папу несут в собор св. Петра “на седалище под большим балдахинном”. Там папа подает благословение собравшимся.

С другой стороны, в “церемонии” избрания “князя-папы” пародируется также и избрание патриарха. Например, речь, с которой к членам Всешутейшего собора обращался “князь-кесарь”, соотносится с обращением царя к Освященному собору перед избранием патриарха⁴¹. Кроме того, согласно “чину избирания”, по приходе в дом, в котором должна была совершаться “церемония”, “князь-кесарь” с поклоном просил “вышних жрецов” избрать трех особ, подобно тому как царь при избрании патриарха мог просить членов Освященного собора назвать нескольких кандидатов⁴². Важно обратить внимание и на то, что в “чине избирания” употребляется слово “новоизбранный”, которое используется и в описаниях подлинного обряда⁴³. Все эти черты дополняют “церемонию”, в которой пародируется, главным образом, избрание римского папы, и это создает довольно интересный комический эффект.

Что касается “поставления” членов Всешутейшего собора, в частности “князя-папы”, то оно, по-видимому, является пародией на обряд поставления архиереев Русской Православной Церкви. Судя по сохранившимся вариантам “чина постановления”⁴⁴, созданного самим Петром I, эта церемония должна была совершаться примерно так. “Поставляемый” должен был, когда члены Всешутейшего собора соберутся, идти к ним, причем перед ним должны были нести две фляги, позолоченную и посеребренную, и два блюда, с огурцами и с капустой. (В этом элементе “церемонии” пародируется, по-видимому, вполне определенный элемент подлинного чина поставления: после совершения обряда, когда новопоставленный шествовал в свои палаты, а затем к царю, перед ним несли на блюде крест и свя-

тую воду⁴⁵.) Затем “поставляемому” следовало поклониться, прочитать “поставляющему” принесенные дары, сказать “краткий кс племент о своем поставлении” и сесть. После этого “поставляющ задавал “поставляемому” вопросы, на которые тот должен был (вечать согласно установленному порядку. В частности, в ответ вопрос “Како содержиши закон Бахусов, и во оном подвизаешиси или “Како пьете? Явите своя сиршая?” и под.⁴⁶ “поставляемый” должен был произносить речь, в которой рассказывал, как он “соджит закон Бахусов”, т.е. пьянствует. (Здесь также, очевидно, падируется обряд хиротонии, во время которого происходил ритуал зованный обмен репликами между поставляющим и поставляем и затем последний читал исповедание веры.) Далее, после репли “поставляющего”, “поставляемый” должен был встать на колени лечь “персями, руками и главою” на находящуюся перед ним боч “жрецам” следовало петь “песнь Бахусову”. После этого “поставляемый” поднимался, и “жрецы” облачали его; затем “первый жрец помазывал или поливал его голову вином, помазывал “около очо “обе длани, и четыре перста, ими же чарка приемлется образом ченки”; все эти действия сопровождалось соответствующими в гласами. Наконец, архиереи возлагали руки на “поставляемого первый из них читал речь: “рукополагаю аз пьяный сего нетрезва во имя всех кабаков, во имя всех табаков” и т.д. После этого “на гали шапку”, “архиерей” садился на свой престол, пил из кубка, званного “орлом”, подавал прочим, и “церемония” заканчивалась (Нетрудно заметить, что и здесь достаточно последовательно падируется хиротония. По одному из описаний, она совершалась т поставляющий возлагал на голову поставляемого евангелие, твою рукой три креста, возложив на него руки, читал молитву, пот сняв евангелие с головы поставляемого, читал из него начало и нец, трижды возглашал “аксиос”. Затем на поставляемого возлали саккос, омофор и шапку. После этого новопоставленный на нал литургию⁴⁷.)

Таким образом, сравнение обнаруживает последовательно падический характер “церемоний” избрания и “поставления” член Всешутейшего собора. Но это лишь одна сторона вопроса; дру же состоит в том, что эти пародические “обряды” имеют многочисленные параллели в культуре Западной Европы. Известно, что ним из элементов западноевропейского карнавала могло быть брание “дурацкого епископа и архиепископа” или “дурацкого пап “папы шутов”. На связь Всешутейшего собора с этим обрядом у зывает уже М.М. Бахтин⁴⁸. Во время такого обряда⁴⁹ его участни (нередко клирики; по В.П. Даркевичу⁵⁰ – “причт кафедральных боров”) избирали “архиерея”. Он мог именоваться по-разному: “батом”, “епископом глупцов”, “архиепископом”, даже “шутовск

«...» (которого, как пишет М.М. Бахтин, избирали в непосредственно подведомственных папе церквях). Иногда избранного торжественно отводили в церковь. «При его возведении в сан пародированные литургические формулы и обряды. Вновь посвященный прелат в полном епископском облачении, с инсигниями» совершал службу и приносил «насмешливые благословения»⁵¹. Во время таких церемоний в церкви плясали, пели непристойные песни, играли в карты, бросали кадила навозом и старыми подметками. Нетрудно заметить, что все это сопоставимо с «церемониями» избрания и «поставления» князя-папы».

Таким образом, обобщая сказанное, можно отметить, что в «церемониях» избрания и «поставления» «князя-папы» (и «поставления» других членов Всешутейшего собора), с одной стороны, пародируются соответствующие церковные обряды; с другой – само пародирование имеет прецедент в народной праздничной традиции. Соответственно, для понимания этих пародических «обрядов» оказываются актуальными по крайней мере два типа исторического контекста: и традиционные народные ритуалы, и обряды церкви.

Особый тип праздника представлен свадьбами Зотова и Бутурчина. Уже было сказано, что это свадьбы пародические. Основной структурной особенностью этих «ритуалов», по-видимому, следует считать то, что они, с одной стороны, действительно представляют собой свадьбу (особенно важно, что в обоих случаях «молодых» венчал в церкви священник, прочие параллели с традиционным обрядом см. ниже), а с другой – являлись пародией на свадебный обряд. При этом важно учитывать, что пародирование свадебной обрядности как таковое не чуждо народной традиции⁵². Как показывает А.В. Гура, традиция допускает и пародическое обыгрывание в рамках свадебного обряда тех или иных «явлений и предметов внешней по отношению к свадьбе действительности»⁵³, и пародирование самого свадебного ритуала (очень часто – венчания) вне этого ритуала – в различных народных играх, в частности святочных. Наконец, возможна и «пародия на свадебный обряд внутри самой свадьбы. Пародироваться могут участники обряда (особенно жених и невеста), свадебные предметы, обрядовые действия и поэтические тексты. Свадебное пародирование жениха и невесты обычно сопровождается травестизмом»⁵⁴. Однако ни одна из этих трех моделей не может быть применена для описания свадеб П.М. Зотова и П.И. Бутурлина, в которых имеет место действительно пародия на свадебный обряд в рамках самого этого обряда, но при этом не выделенная из него⁵⁵, а, напротив, с ним совмещенная. Пародические элементы, вводимые в обряд, не повторяют, а замещают традиционные, будучи соположены с другими, кото-

рые остаются в рамках традиции. Кроме того, ритуал дополняется элементами, которые, по-видимому, не находятся в связи с традицией, т.е. ни предполагаются ею, ни пародируют ее, но также создают комический эффект. Поэтому структура “церемоний” в целом оказывается весьма сложной.

Анализ исторических свидетельств подтверждает выдвинутую гипотезу. Так, известно, что в начале свадьбы Н.М. Зотова⁵⁶ “как теж, в предшествови жениха, шествовал в дом канцлерский”⁵⁷, а “оного с невестою шествовали в церковь”⁵⁸. После венчания поехал отправился в дом жениха, там был устроен пир; другой пир состоялся на следующий день после свадьбы. Как кажется, все это, в целом не выходит за рамки традиции⁵⁹. Однако наряду с этим свадьба Зотова предстает как “церемония” комическая. Ее участники были в маскарадных костюмах, приготовленных заранее по особому распоряжению Петра I; царь сам просматривал списки нарядов, вносил изменения, устроил заранее смотр костюмов. Например, некоторые участники торжества были в “платье гамбургских бурмистров” “китайском”, “венецком”, “скороходском”, “арцибискупском” платье и т.д.; в руках же они держали музыкальные инструменты и пели “игры” – барабаны, дудочки, большие рога, скороходские палочки и т.п.⁶⁰ “К позыву определены четыре человека, которые были в комические заики”⁶¹. Немолодых жениха и невесту вели четверо старших людей, а перед ними шли одетые в скороходское платье “четыре претолстые мужика, и которые были столь тучны и тяжелы, что имели нужду, чтоб их самих вели, нежели чтоб бежать им перед своим мым патриархом и его невестою”⁶². “Князя-папу” и его невесту вели священник Архангельского собора, которому было более 90 лет. На следующий день после венчания “молодых” поднимали “с пресмешными обрядами”. Разнообразные “забавы” продолжались, как пишет И.И. Голиков, “по самый Февраль месяц”⁶³ (как именно “забавы” имеются в виду, неясно).

Разумеется, следует обратить внимание на то, что многие из упомянутых здесь комических элементов, если не большинство их, представляют собой пародии собственно на свадебный обряд. Это скорее высмеивается “безбрачие монашествующего и католического духовенства”⁶⁴. При этом следует обратить внимание на то, что комическое начало предусмотрено уже и самой традицией, и только в рамках уже упоминавшейся пародии на свадьбу. Как известно, во время движения свадебного поезда сначала к церкви, а затем после венчания в дом мужа пели свадебные песни, играли на музыкальных инструментах, кричали, плясали, отпускали грубые и непристойные шутки⁶⁵. Таким образом, в свадьбе Н.М. Зотова как будто бы реализуются те потенции, которые есть в традиционном свадебном обряде. Однако их неумеренное развитие в сочетании

в историческом контекстом, который позволял считать, что свадьба Зотова была устроена с целью дискредитации патриаршества⁶⁶, но все же делают этот “обряд” именно пародией.

Нельзя не обратить внимание на то, что эта свадьба была устроена по указанию Петра I и против воли самого Н.М. Зотова. Известно, что Зотов сначала хотел уйти в монастырь, и именно Петр велел ему вместо этого жениться. Согласившись, Зотов в письме просил царя, чтобы венчание было совершено втайне от общества, в Москве, и уже потом, по приезде в Петербург, Зотов соглашался участвовать в развлечениях, какие Петр пожелал бы устроить. Вместо этого, однако, свадьба была совершена именно в Петербурге, и Зотов с женой стали предметом насмешек⁶⁷. Просил царя об отмене свадьбы и сын Зотова, Конон Никитич; если сам “князь-папа”, к тому времени человек преклонных лет, был “графом, тайным советником и генерал-президентом ближней канцелярии”⁶⁸, то его сын имел чин капитан-лейтенанта и исполнял важные поручения царя; однако и его просьба была оставлена без внимания⁶⁹. И для многих других участников свадебной церемонии присутствие там было обязательным: известны списки приглашенных «с их подписями в том, что они “указ слышали” и обязуются явиться»⁷⁰.

Таким образом, в свадьбе Зотова, как и в “славлении”, произошло своеобразное искажение традиционного обряда. При этом очевидным оказывается еще и другое: эта “церемония” также является примером принуждения, примером насилия над личностью со стороны царя.

Еще более яркий пример искажения традиционного обряда – свадьба следующего “князя-папы” Бутурлина. Многие традиционные элементы сохранены и здесь, но намного больше, чем в предыдущем случае, элементов другого типа, т.е. пародически искаженных. Свадьба была устроена во время маскарада по случаю заключения Ништадтского мира в сентябре 1721 г., и участники “церемонии” были в маскарадном платье. Те, кто присутствовал в церкви во время венчания, выйдя оттуда, не поехали в дом жениха (а туда, в соответствии с традицией, следовало именно ехать), но стали ходить по площади вместе с другими участниками маскарада, а затем пошли в здание Сената и коллегий, где и был устроен пир. Во время пира над головой “князя-папы” висел серебряный Бахус на бочке с водкой – по-видимому, на том месте, где по традиции прибывали иконы⁷¹. Спальня для “молодых” была устроена в пирамиде, освещенной внутри и с отверстиями в стенах, в то время как в соответствии с традицией она устраивалась, как правило, в сеннике или подклете⁷². Постель по обычаю была на снопах (как указывает А. Олеарий – на ржаных снопах⁷³), здесь же перина и подушки были набиты хмелем, одеяло стегано хмелем, и на нем был также хмель. Вместо бочек

“с пшеницей, рожью, овсом и ячменем”⁷⁴ вокруг ложа были расставлены бочки с вином, пивом и водкой. На ночь, по традиции, от коннаты молодых уходили все, кроме одного человека (“Около сенин ходил или ездил ясельничий с обнаженным мечом для предохранения от всякого лиходейства”⁷⁵; у А. Олеария этот человек назван старым служителем, у М.Г. Рабиновича – постельничим); М.Г. Рабинович также указывает, что у подклета привязывали жеребцов и кобыл, и жеребцы ржали. Вместо этого около пирамиды, в которой остались П.И. Бутурлин с женой, были плешивые, заики, весна красная, били в бубны. На следующий день свадебный ритуал был дополнен другими пародическими обрядами, к свадьбе, по видимому, отношения не имеющими: “князь-папа” на пиру подавал присутствующим благословение, а по пути в его дом члены Всешутейшего собора, в том числе сам П.И. Бутурлин, переправлялись через Неву особой “машине”. Впрочем, известно, что переправа через реку считается необходимым элементом свадебного обряда: через мост обязательно должен был двигаться свадебный поезд (именно в первый день свадьбы), что связывают с осмыслением реки в архаической модели мира в качестве границы (соответственно свадьба рассматривается как обряд перехода, т.е. преодоления границы). Однако место этого элемента в структуре ритуала иное, и переправляются, разумеется, по мосту, а не вплавь; таким образом, в данном случае, по видимому, представлена пародия и на этот фрагмент обряда. Словом, обобщая сказанное, можно отметить, что свадьба П.И. Бутурлина в структурном отношении определенным образом отличается от свадьбы Н.М. Зотова: здесь намного более последовательно пародически видоизменяются различные элементы традиционного обряда. Очевидно, что если в предыдущем случае можно было говорить об искажении традиционного ритуала, то здесь для этого есть еще большие основания.

Наконец, нельзя не упомянуть еще обо одном празднестве, в котором принимали участие члены Всешутейшего собора, – о маскарade, устроенном на масленицу в 1722 г. по случаю заключения Ништадтского мира⁷⁶, подробно описанный Ф.-В. Берхгольце. Для этого маскарада были приготовлены сани, причем некоторые из них были сделаны в виде лодок или кораблей. На “экипажах” были установлены шесты с номерами, указывавшими порядок их следования. 31 января “поезд” торжественно въехал в Москву “через четверо великолепных триумфальных ворот”. Среди прочих участников маскарада был “князь-папа”, который ехал в больших санях “папском одеянии”, т.е. в подбитой горностаем красной мантии, в троне, а у него в ногах сидел человек, изображавший Бахуса; затеверхом на волах ехали шестеро “кардиналов” из Всешутейшего собора. Кроме того, в маскараде участвовал “беспокойный мона

«цир», т.е., как пишет А.М. Панченко⁷⁷, Всешутейший собор. На сцене «беспокойного монастыря» были установлены поднимавшиеся рядами в виде амфитеатра скамьи, и машина «изображала нечто вроде головы дракона», а к ней было прицеплено «более 20-ти маленьких саней», каждые из которых вмещали по одному человеку. В другие дни во время этого маскарада, продолжавшегося до 4 февраля, его участники по утрам собирались в указанном для этого месте и сидели на санях и веселились⁷⁸.

Несомненно сходство этого празднества с западноевропейским карнавалом. Оно проявляется и в ношении маскарадного платья с другой стороны, это можно связать и с русскими масленичными обрядами). Трудно сказать, какой из прототипов в данном случае более актуален, поскольку одни и те же факты могут быть соотнесены как с той, так и с другой традицией. По-видимому, вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Подводя итоги всему сказанному о празднествах, связанных с деятельностью Всешутейшего собора, можно отметить, что они весьма разнообразны. В большинстве своем перечисленные празднества являются пародическими, однако не все они могут быть описаны таким образом. Некоторые из них, прежде всего «славление» и свадьбы, представляют собой своеобразное *видоизменение* традиционных ритуалов: как бы *продолжая* народные традиции, они в то же время *искажают* их. Это искажение, в свою очередь, может быть соотнесено с той общей особенностью, которая уже отмечалась выше в связи с Всешутейшим собором как «организацией»: участие в описанных празднествах нередко оказывалось принудительным, и они были всецело подчинены воле Петра I. Таким образом, в этих празднествах игровое начало, нередко заимствуемое от традиции народного праздника, сочеталось с угнетением, источником которого была самодержавная власть царя.

Такой вывод заставляет рассмотреть еще один принципиально важный вопрос: насколько это угнетение было осознано самими членами Всешутейшего собора и каково было их отношение к нему? Верно ли, что все они участвовали в деятельности Собора лишь из страха перед царем – или, может быть, наоборот, для всех участников эти празднества были приятной забавой?

Можно с определенной уверенностью сказать, что второе утверждение неверно. Это подтверждается достаточно многочисленными свидетельствами: и известным показанием князя И.И. Хованского, который говорит о своем «поставлении» в «митрополиты» Всешутейшего собора как о грехе⁸⁰, и тем, что пишет Б.И. Куракин о «славлении» (см. выше), и теми примерами, которые были приведены ранее в связи с характеристикой свадьбы Н.М. Зотова и т.д. Все эти свидетельства доказывают, что многие из тех, кто участво-

вал в деятельности Всешутейшего собора, были недовольны эти “забавами”. Однако и утверждать, что никому, кроме Петра I, э “развлечения” не доставляли удовольствия, было бы не совсем правильно, поскольку есть свидетельства, опровергающие такой односторонний взгляд. Например, есть некоторые основания полагать, что охотно участвовал в деятельности Всешутейшего собора А.Д. Меншиков⁸¹. И по письмам Зотова, в меньшей степени Бутолина и некоторых других членов Всешутейшего собора (в частности “архи-игумены” Д.Г. Ржевской) можно предполагать, что их авторы, по-видимому, были довольны своим положением и даже извлекали из него некоторое удовольствие. Разумеется, нельзя не поставить под сомнение эти источники: в условиях подчинения самодержавному правителю вполне можно ожидать, что даже те, кто в действительности не поддерживал его начинаний, выражали с ним согласие на словах – тем более что многие из писем, о которых идет речь, адресованы именно Петру I⁸². Но такие свидетельства все же есть – и нет причин быть уверенным в том, что они не отражают истинного положения дел. Словом, можно, имея на то определенные основания, предполагать, что некоторые члены Всешутейшего собора участвовали в описанных выше “церемониях” по своей воле и были довольны своим положением. Таким образом, в деятельности Всешутейшего собора, как кажется, странным образом сочетались веселье и жестокое принуждение; для кого-то празднества, которые устраивал Собор, наверное, были забавой, а для кого-то здесь имело место насилие и угнетение.

Все это позволяет если не понять, то приблизиться к пониманию того, в чем же состоит своеобразие Всешутейшего собора и связанных с его деятельностью “церемоний”, и попытаться объяснить этот парадокс, о котором уже говорилось ранее: почему эти “церемонии” одновременно кажутся и праздниками, и чем-то противоположным празднику. С одной стороны, по своим формальным признакам они сходны с праздниками различных типов; во многих случаях – а именно там, где существует связь с традицией народных обрядов (о чем также уже было сказано), – сходство это особенно очевидно. Но с другой стороны, от праздника можно было бы ожидать (пусть не на логическом, а на интуитивном уровне), что те, кто участвует в нем, испытывают радость; *праздник* мыслится прежде всего, *весельем* и “церемонии”, связанные с деятельностью Всешутейшего собора явным образом противоречат этому представлению, поскольку и то, что многие, если не большинство участников их никакой радости не испытывали. Оказывается, что эти “церемонии” – как бы праздники по форме, но не праздники по сути; и это, казалось бы, сжато объяснением того парадокса, который был сформулирован в начале исследования.

Однако эта гипотеза нуждается в уточнении. Считать, что все участники любого праздника всегда непременно веселились, было бы совершенно неуместным упрощением. Достаточно вспомнить, что в Средневековье во время праздника, в частности карнавала, нередко чинилось насилие. Большое внимание уделяет эпизодам насилия в романе Ф. Рабле М.М. Бахтин, интерпретируя такое насилие как одно из многочисленных проявлений веселой карнавальной стихии, в которой “время (...) развенчивает, делает смешным и умерщвляет весь старый мир (старую власть, старую правду) и одновременно рождает новое”⁸³. Но из истории известно, что насилие во время карнавала действительно имело место и было вполне серьезным, если даже и не по побудительным мотивам, о которых трудно судить, то по последствиям: нередко карнавал заканчивался бунтом⁸⁴, нередко – еврейским погромом. Поэтому трудно сказать, чтобы все, кто есть на празднике, и точно были так веселы, как иногда кажется; неверно, следовательно, что принуждение и насилие настолько чужды праздничной стихии. И такой взгляд, казалось бы, позволяет все же вписать Всешутейший собор в общую историю праздника в мировой культуре.

Но и здесь ощущается некий парадокс. Он состоит в том, что на карнавале насилие чинит народ, а в деятельности Всешутейшего собора – самодержавный монарх; на карнавале – как бы обезличенная толпа, во Всешутейшем соборе – как бы один человек. Таким образом, Всешутейший собор и здесь обнаруживает то свойство, которое условно можно назвать несоответствием формы и содержания: “церемонии” Собора кажутся народными праздниками по внешним признакам, но при этом не являются ими по существу.

При таком понимании Всешутейшего собора актуальной оказывается еще одна методологически значимая проблема – соотношение “народной” и “официальной” культуры, как их понимает М.М. Бахтин. Парадоксальным образом, по многочисленным внешним признакам (которые перечислены выше) Всешутейший собор кажется продолжением и принадлежностью культуры народной – однако по своим функциям он находится именно в сфере официальной культуры, причем не просто подчиняется царю, но по самому существу своему выражает именно те начала, которые М.М. Бахтин приписывает официальной культуре (и в которых он народной культуре однозначно отказывает) – начала *страха, устрашения, принуждения и повиновения*. Таким образом, Всешутейший собор предстает как интересный в своем роде пример того, что вполне определенной границы между этими двумя типами культуры, которые М.М. Бахтин считает антагонистическими, нет, на что указывает в своих работах А.Я. Гуревич⁸⁵.

В заключение представляется необходимым поставить еще один методологически важный вопрос. Многие из тех явлений, с которыми сопоставлялся Всешутейший собор в этой работе, представляя собой принадлежность культуры Средневековья; более того, народные святочные и свадебные обряды или карнавал восходят даже к архаической эпохе. Такой подбор материала легко объясняется тем, что более естественно и методологически более корректно сравнивать Всешутейший собор и связанные с ним празднества не с теми явлениями, которые возникли позже них, а с теми, которые им хронологически предшествовали. Однако он заставляет задуматься о том, насколько правомерно сам Всешутейший собор и связанные с ним празднества считать явлениями средневековой или архаической культуры. Эта проблема уже привлекала к себе внимание исследователей: так, по мнению Д.С. Лихачева и В.П. Даркевича, в деятельности Всешутейшего собора отразились особенности средневековой ментальности. Данный вопрос тем более важен, что от его решения зависит и функциональная интерпретация названных явлений с учетом того историко-культурного контекста, в который они будут таким образом поставлены.

Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Прежде всего нужно принять во внимание, что сами термины “архаика”, “Средневековье”, “Новое время” не имеют вполне однозначной и общепринятой интерпретации: Дж.Дж. Фрэйзер говорит о родстве архаического и современного мировосприятия⁸⁶, Л. Леви-Брюль — о неизбежном сохранении реликтов архаического мышления в современном обществе⁸⁷; многие историки, прежде всего Ж. Ле Гофф, пишут о так называемом “долгом Средневековье”⁸⁸. Но помимо этого неоднозначность интерпретации обусловлена в данном случае спецификой того исторического периода, о котором идет речь, — особым местом Петровской эпохи в русской истории, на которое указывали многие, начиная со времени Петра I и до сегодняшнего дня⁸⁹. Петровская эпоха нередко рассматривается как эпоха переходная; согласно некоторым концепциям, именно она представляет собой тот переломный момент, который отделяет в истории России Средневековье от Нового времени. Поэтому не удивительно, что в ней могут сочетаться, нередко противоречиво и, с нашей точки зрения, парадоксально, приметы как того, так и другого исторического периода; даже отличить одно от другого не всегда бывает просто.

Представляется, что сказанное актуально и для интерпретации Всешутейшего собора. Как определить, к средневековой или к современной культуре он принадлежит? Указание на источники, к которым восходят те или иные особенности Собора и связанных с ним празднеств (например народные традиции ряжения, святочных игр,

родии на свадьбу и на избрание епископов и т.п.), само по себе не позволяет разрешить этот вопрос⁹⁰. Казалось бы, закономерно попытаться ответить на него, опираясь на форму. Но и форма, как это очевидно, не только не снимает неопределенности, но, напротив, ее всецело поддерживает. Ведь основная формальная особенность Всешутейшего собора и связанных с ним празднеств, как уже многократно отмечено, состоит в том, что они представляют собой пародию. А пародия, в свою очередь, есть явление глубоко своеобразное: будучи сугубо архаичной в отношении своего генезиса⁹¹ и, как кажется, в структурном отношении не претерпев существенных изменений от архаической эпохи до наших дней, она очевидным образом эволюционировала, изменив свою семантику. В архаическую эпоху и в Средневековье семантика пародии, насколько ее можно реконструировать, была не такой, какой стала в Новое время. Таким образом, пародия как специфическая форма для своей адекватной интерпретации требует, вероятно, историко-культурного контекста, который устранил бы неоднозначность, связанную с множественностью ее значений. Однако уже отмечено, что в случае Петровской эпохи такое невозможно: это именно тот исторический контекст, который сам по себе неоднозначен. И вот сочетание неоднозначности формы и контекста делает невозможным определенный ответ на вопрос, как именно следует понимать Всешутейший собор. Он может быть рассмотрен и как явление средневековой культуры с чертами архаики, и как явление культуры Нового времени; и в зависимости от того, какая интерпретация будет избрана, он будет по-разному осмыслен. Если принять первое из этих предположений, то для интерпретации Всешутейшего собора будет применена *архаическая модель пародии* – и этот “институт” будет осмыслен так, как предлагают Д.С. Лихачев и В.П. Даркевич: как “проявление древнерусской смеховой стихии”⁹² и как “игра со священным”, которая “не включала в себе разрушительного по отношению к пародируемым объектам начала”⁹³. Если же принять вторую гипотезу, то Всешутейший собор будет интерпретироваться с помощью, условно говоря, *современной модели пародии*, которая с аналогичной структурой соотносит принципиально иное содержание – и из этого будет вытекать другая трактовка: в деятельности этой “организации” можно будет увидеть дискредитацию церкви и реформирование русской культуры, как делает, в частности, В.М. Живов. Таким образом, некоторая неоднозначность, возникающая при интерпретации Всешутейшего собора и связанных с ним празднеств, находит себе объяснение в структурных особенностях исследуемых объектов. Эти особенности позволяют обосновать несколько различных интерпретаций, причем, по-видимому, лишь сочетание разных подходов, учет разных типов историко-культурного контекста позволяет прибли-

зяться к пониманию всей сложности изучаемого явления – сложной, которая и делает, наверное, его исследование интересным и перспективным.

- ¹ Из литературы вопроса см.: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990; *Гребенюк В.* Публичные зрелища петровского времени и их связь с театром // *Новые черты в литературе и искусстве (XVII – начало XVIII в.)*. М., 1976; *Даревич В.П.* Народная культура средневековья: Пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв. М., 1992; *Живов В.М.* Культурные реформы в системе преобразований Петра I // В.М. Живов. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002; *Ключевский В.О.* Соч. в 9 т. М., 1989. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4. С. 36–39; *Лихачев Д.С.* Смех как мировоззрение // Д.С. Лихачев. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб., 1999 (то же в кн.: *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984); *Молева Н.М.* “Персоны” всешутейшего собора // Вопросы истории. 1974. № 10; *Носович И.* Всешутейший собор, учрежденный Петром Великим // *Русская старина*. 1874. Год пятый. Декабрь; *Одесский М.П.* Очерки исторической поэтики русской драмы: Эпоха Петра I. М., 1999; *Павленко Н.И.* Петр I. М., 2000; *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ // *Из истории русской культуры*. М., 2000. Т. III: (XVII – начало XVIII века); *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Ивай Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха. Статья первая / *Труды Отдела древнерусской литературы*. Л., 1983. Т. XXXVII; *Платонов С.Ф.* Из бытовой истории Петровской эпохи. 1: Бенго-Коллегия или Великобританский монастырь в С.-Петербурге при Петре Великом / *Известия АН СССР*. Серия 6. Л., 1926. Т. 20. № 7–8; *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист // М.И. Семевский. Слово и дело! 1700–1725: Изд. 3-е. СПб., 1885; *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. *Она же.* Общественные развлечения в Петербурге в первой половине XVIII в. // *Старый Петербург. Историко-этнографические исследования*. Л., 1982; *Соловьев С.М.* Соч. в 18 кн. М., 1997. Кн. VIII: История России с древнейших времен Т. 15–16. С. 582–583; *Успенский Б.А.* Избранные тр. в 2 т. М., 1996. Т. 1 *Черная Л.А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great New Haven; L., 1998. Из последних работ см.: *Hughes L.* Peter the Great A Biography. New Haven; L., 2002; *Zitser E.A.* Politics in the State of Sobor Drunkenness: Parody and Piety at the Court of Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2003. Vol. 51, H. 1.
- ² См.: *Семевский М.И.* Указ. соч. С. 315–317; *Живов В.М.* Указ. соч. С. 411
- ³ *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). / Пер. и примеч. А.И. Малеева. СПб., 1906. С. 111.
- ⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. I. С. 265.
- ⁵ Титул “князя-папы” Н.М. Зотова. См.: Там же. С. 32.

- ⁶ Куракин Б.И. История о царе Петре Алексеевиче // Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 71.
- ⁷ Nagel K.F. Geschichte des Grotesk-Komischen / Neu bearbeitet und herausgegeben von M. Bauer. München, 1914. Bd. 1–2.
- ⁸ Ibid. Bd. 2. S. 338.
- ⁹ Ibid. S. 346–347.
- ¹⁰ Ibid. S. 348.
- ¹¹ См. также: Мочалова В.В. Мир наизнанку: Народно-городская литература Польши XVI–XVII вв. М., 1985. С. 105–106.
- ¹² Де Бюк А. Раскаты смеха. Полк ермолки, или аристократическая стратегия французской веселости // Анналы на рубеже веков – антология / Пер. с фр. Отв. ред. А.Я. Гуревич. Сост. С.И. Лучицкая. М., 2002.
- ¹³ Там же. С. 264–265.
- ¹⁴ Nevill R. London Clubs, Their History and Treasures. L., 1911. P. 36–47.
- ¹⁵ См.: Ibid. P. 44–46.
- ¹⁶ См.: Семевский М.И. Указ. соч. С. 315–316.
- ¹⁷ См.: Куракин Б.И. Указ. соч. С. 72 (в тексте указано, что описываемые факты имели место до Великого посольства); Записки Желябужского с 1682 по 2 Июля 1709. СПб., 1840. С. 59 (“славление” упоминается под 1699 годом); Корб И.Г. Указ. соч. С. 111 (описание “славления” датировано 13 января 1699 г.); Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом / Пер. с дат. Ю.Н. Щербачева. М., 1900. С. 128–129 (запись за январь 1710 г.); Дневник камер-юнкера Берхгольца / Перевел с нем. И. Аммон. М., 1858. Ч. 2: 1722 г. С. 18–19 (описание датировано 1722 г.); [Кашин Н.И.] Поступки и забавы Петра Великого (Запись современника) / <Собир.> В.В. Майков. СПб., 1895. (Памятники древней письменности. Т. 110.) С. 12 (дата не указана); некоторые сведения содержатся также в письмах Петра I (например, см. Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1977. Т. XII, вып. 2. С. 279–280 – письмо Петра I к царице Екатерине Алексеевне от 25 декабря 1712 г.)
- ¹⁸ Куракин Б.И. Указ. соч. С. 72.
- ¹⁹ Юль Ю. Указ. соч. С. 129.
- ²⁰ См.: Семевский М.И. Указ. соч. С. 300: “Так назывались свистуны (<...> мастера высвистывать по-птичьи”.
- ²¹ Кашин Н.И. Указ. соч. С. 12.
- ²² Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. М., 2000. С. 41.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 234.
- ²⁵ См.: Пропп В.Я. Указ. соч. С. 81–89, 124–126, 141–151; Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К.Д. Цивиной. М., 1991. С. 380–381 и т.д.
- ²⁶ См. например: Ивлева Л.М. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994; Пропп В.Я. Указ. соч. С. 41–57, 130–140; Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 381, 402. См. также: Поньрко Н.В. Русские святки XVII в. // Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII вв. / Тр. отдела древнерусской литературы. Л., 1977. Т. 32; Она же. Святочный и масленичный смех // Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. Указ. соч.

- 27 См.: *Пропп В.Я.* Указ. соч. С. 41–62; *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 400–401
- 28 См.: *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2000. Т. I, ч. 1. С. 407–409; см. также: *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978.
- 29 См.: *Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков: Очерки по истории народных верований / Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1957. Новая серия. Т. XL.
- 30 См.: “Отрывок обличения на всешутейший собор” // С.А. Белокуров. Материалы для русской истории. М., 1888. С. 539–540.
- 31 *Куракин Б.И.* Указ. соч. С. 71–72.
- 32 Описание этого обряда см.: *Никольский К.* О службах русской церкви. СПб., 1885. С. 45–97; ср.: *Савва В.* Московские цари и византийские цесаревичи. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 165. См. также мнение “шествие на осляти” в первоисточниках: *Флетчер Д.* О государстве в русском, или образ правления русского царя: Пер. с англ. СПб., 1901. С. 146–147; *Олеарий А.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870. С. 90–92. Следует упомянуть, что “шествие на осляти” совершалось не только в Вербное воскресенье, но и после поставления нового патриарха, иногда и по прибытии какого-либо другого новопоставленного архиерея в свою епархию (см. *Никольский К.* Указ. соч.). Описание такого обряда см.: Чин Патриарша круг города на осляти шествия бываемого в день постановления Российских Патриархов... // Древняя Российская Вивлиофика, изданная Николаем Новиковым: Изд. 2-е. 1788. Ч. VI.
- 33 Вначале “шествие на осляти” устраивалось не только в Москве, но и в других городах, где в нем участвовали местные архиереи. В Москве этот обряд совершал патриарх (*Никольский К.* Указ. соч. С. 45). Однако в 1678 г. совершение “действия Ваий” где-либо кроме Москвы, с участия царя и патриарха было запрещено. См.: Изложение Патриаршее и всего Собора о обряде в Вербную неделю бываемом... // Древняя Российская Вивлиофика, изданная Николаем Новиковым: Изд. 2-е. 1788. Ч. VI).
- 34 *Никольский К.* Указ. соч. С. 90–91.
- 35 Интерпретацию этого факта дает В.М. Живов: *Живов В.М.* Указ. соч. С. 413–415.
- 36 См.: *Семевский М.И.* Указ. соч. С. 298–306.
- 37 См.: [*Weber Fr.Chr.*] Des veränderten Rußlandes Zweyter Theil... Hannover 1739. S. 189–193.
- 38 О порядке избрания папы римского см., в частности: [*Готлиб А.*] “Папство”, разд. “Папские выборы” // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. XXII (44). С. 738–739.
- 39 Такая процедура была установлена Григорием X в 1274 г. на II Лионском соборе. Текст решений, принятых собором, см. в изд.: Second Council Lyons – 1274. Constitution II // Decrees of the Ecumenical Councils / I Norman P. Tanner. – www.piar.hn/councils/ecum 14.htm
- 40 Цит. по: *Готлиб А.* Указ. соч.

... например: Чин Избрания на Патриаршеский Российский Престол // Чин Избрания Российская Вивлиофика, изданная Николаем Новиковым: Изд. 2-е. М., 1788. Ч. VI. В этом источнике описывается избрание патриарха Никона 21 марта 1642 г.

Например, в 1652 г. царь просил членов Освященного собора написать о нем на двенадцати кандидатов. См.: Чин избрания, наречения, благовествования, посвящения и шествия около города патриарха Никона // Христианское чтение. СПб., 1882. Июль–август. № 7–8. С. 290.

... например: Чин избрания... патриарха Никона...

Существенные варианты “чина постановления” являются основным источником сведений о данной “церемонии”. Многие из этих текстов опубликованы М. И. Семевским. См.: *Семевский М.И.* Указ. соч. С. 306–309. Они представляют в распоряжение историка весьма интересный и разнообразный материал, однако при его интерпретации возникают две проблемы. Первая проблема связана с тем, что данные тексты – это именно предварительно составленные “программы” “церемоний”, а (за исключением текста “О чине князя-папы постановления в епископы в 1 неделю по Ерменнии, января 10”, в которой, по мнению М.И. Семевского, говорится о “поставлении” “князя-папы” П.И. Бутурлина в 1718 г. – опубл. в: Там же. С. 310–313) не “отчеты” о них, написанные *post factum*. Следовательно, можно лишь предполагать на основе этих текстов некий инвариант “церемонии поставления”, какой она должна была быть, но нельзя сказать точно, какой она в действительности была. Вторая проблема – то, что дошедшие до нас тексты, как правило, не датированы, поэтому точно не известно, какие именно “церемонии” в них описаны, когда и по какому случаю они были совершены. Таким образом, на основании сохранившихся источников, по-видимому, нельзя дать сколько-нибудь точное описание какой-либо из “церемоний поставления” (кроме “поставления” Бутурлина). Возможно лишь реконструировать некий инвариант “церемонии поставления”. Именно такая задача и ставится в данном случае. Известно, например, что после поставления патриарха Никона, когда он шел к царскому столу, перед ним несли крест на блюде и святую воду (см.: Чин избрания... патриарха Никона... С. 313); после поставления патриарха Адриана, когда он шел в свои палаты, соборный ключарь и диакон также несли перед ним крест на серебряном блюде со святой водой. См.: *Никольский К.* Указ. соч. С. 22; *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. Б. м., 1940. Т. 1. 107–108.

... См.: *Семевский М.И.* Указ. соч. С. 307–308.

Описание по изд.: Чин избрания... патриарха Никона...

Бухтин М.М. Указ. соч. С. 242, 298.

... См. о нем: *Реутин М.Ю.* Народная культура Германии. М. 1996. С. 23; *Бухтин М.М.* Указ. соч.; *Даркевич В.П.* Народная культура средневековья: Светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М., 1988. С. 165; *Фрейденберг О.М.* Происхождение пародии // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. (Труды по знаковым системам. В. 6.) Тарту, 1973. Вып. 308. С. 490–491.

Даркевич В.П. Народная культура средневековья: Светская праздничная жизнь... С. 165.

- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Характеристика пародии на свадебный обряд в народной традиции (нована на работе: *Гура А.В.* Пародия на свадьбу в славянском свадебном обряде // *Baltano-balto-slavica: Симпозиум по структуре текста*. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979. Разумеется, следует принять во внимание то, что А.В. Гура основывается на современном материале. Соответственно, применение выводов, которые он делал при исследовании истории XVIII в., строго говоря, методологически вполне корректно, и они не могут служить основанием для широких обобщений.
- ⁵³ Там же. С. 83.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Именно таковы примеры, которые приводит А.В. Гура (Там же). В пародические элементы чаще всего находятся в завершающей части туалала.
- ⁵⁶ Описание по изд.: *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого...: Изд. 2-е. 1838. Т. 6. С. 279–290. Многие документы, относящиеся к свадьбе Зото хранятся в РГАДА (Ф. 156. № 129).
- ⁵⁷ *Голиков И.И.* Указ. соч. С. 288.
- ⁵⁸ Там же. С. 289.
- ⁵⁹ См.: [*Котошихин Г.К.*] О России, в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859; *Костомаров Н.И.* Указ. соч.; *Олеарий А.* Указ. соч.
- ⁶⁰ *Голиков И.И.* Указ. соч. С. 281.
- ⁶¹ Там же. С. 288.
- ⁶² Там же. С. 289.
- ⁶³ Там же. С. 290.
- ⁶⁴ *Гребенюк В.П.* Указ. соч. С. 145.
- ⁶⁵ См.: *Олеарий А.* Указ. соч.; *Костомаров Н.И.* Указ. соч.
- ⁶⁶ Об этом говорит еще И.И. Голиков. В данном случае очень существен отсылки к представлениям о духовенстве, в т.ч. титулование жениха “триархом”.
- ⁶⁷ Как пишет И.И. Голиков (*Голиков И.И.* Указ. соч. С. 289–290), “в первый день брака угощен был и весь народ, стечение которого было бесчисленно; для него выставлены были многие бадьи с вином и пивом и разная яства. Сей народ, толико уважавший достоинство патриаршее, в сии дни с великим смехом забавлялся на счет оногo”. “Народ говорил тогда с ликим смехом: *Патриарх женился! Патриарх женился!* Другие с ковыком вина или пива кричали: да здравствует патриарх с патриарши и проч.”
- ⁶⁸ Там же. С. 291.
- ⁶⁹ См. об этом: *Семевский М.И.* Указ. соч. С. 293–298.
- ⁷⁰ Цит. по: *Живов В.М.* Указ. соч. С. 405.
- ⁷¹ См.: *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 256.
- ⁷² См.: *Олеарий А.* Указ. соч.; *Костомаров Н.И.* Указ. соч.; *Рабинович М.* Указ. соч.
- ⁷³ См.: *Олеарий А.* Указ. соч.; *Костомаров Н.И.* Указ. соч.
- ⁷⁴ Цит. по: *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 255; ср.: *Олеарий А.* Указ. соч.
- ⁷⁵ Цит. по: *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 262.

- * Согласно официальному распоряжению надлежало праздновать это событие трижды, а именно “1) тогда, как скоро куда дойдет ведомость сия, 2) Октября 22 и 3) Генваря 28”. См.: *Голиков И.И.* Указ. соч. Т. 8. С. 241. *Пашенко А.М.* Указ. соч. С. 156.
- * Описание маскарада см.: *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Т. 2. С. 66–82.
- * См.: *Даркевич В.П.* Народная культура средневековья: Светская праздничная жизнь... С. 169–170; *Реутин М.Ю.* Указ. соч. С. 16–17; *Колязин В.Ф.* От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья. М., 2002. С. 92–93, 119–122.
- ** См. в изд.: *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. VIII. С. 113.
- ** См.: *Павленко Н.И.* Меншиков: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 155, 179, 216. Ср. также: *Юль Ю.* Указ. соч. 129.
- * См. об этом: *Живов В.М.* Указ. соч. С. 408.
- * *Иваницин М.М.* Указ. соч. С. 230.
- * См. *Le Roy Ladurie E.* Carnival in Romans / Transl. from the French by Mary Feeuey. N.Y., 1979.
- * См.: *Гуревич А.Я.* Смех в народной культуре средневековья // Вопросы литературы. 1966. № 6; *Он же.* Категории средневековой культуры. М., 1912; *Он же.* К истории гротеска. “Верх” и “низ” в средневековой латинской литературе // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1975. Т. 34. № 4. *Он же:* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
- ** *Фрэйзер Дж.Дж.* Золотая ветвь / Пер. с англ. М.К. Рыклина. М., 1980.
- * *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с фр. М., 1999.
- ** *Де Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / Пер. с фр. Е.В. Морозовой. М., 2001. С. 31–38; *Он же.* Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / Пер. с фр. С.В. Чистяковой и Н.В. Шевченко. Екатеринбург, 2002; *Гуревич А.Я.* Средневековье как тип культуры // Антропология культуры. М., 2002. Вып. 1. С. 51–52.
- ** Разумеется, необходимо принимать во внимание тот факт, что само представление об определяющей роли Петровской эпохи в русской истории также не лишено черт историографического мифа (см., например: *Песков А.М.* Павел I. М., 1999), причем в формировании этого мифа определенную роль могла сыграть и сознательная деятельность Петра I (см.: *Живов В.М.* Указ. соч.).
- ** Ср. у В.М. Живова (Там же. С. 429): “Элементы карнавала в петровских источниках несомненно присутствуют ... Однако ни происхождение, ни типологическое сходство ничего не говорят о том, какова функция соответствующих элементов...”
- ** См.: *Пронн В.Я.* Указ. соч.; *Он же.* Проблемы комизма и смеха. М., 1999; *Бахтин М.М.* Указ. соч.; *Фрейденберг О.М.* Указ. соч.; *Она же.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. О средневековой пародии: *Лихачев Д.С.* *Панченко А.М.*, *Поньрко Н.В.* Указ. соч.; *Lehmann P.* Die Parodie im Mittelalter. 2. Aufl. Stuttgart, 1963.
- ** *Лихачев Д.С.* Смех как мировоззрение // Д.С. Лихачев. Историческая поэтика... С. 389–390.

⁹³ Даркевич В.П. Народная культура средневековья: Пародия в литературе и искусстве... С. 61–62. Ср.: Там же: «В “играющий век” при Петре I возник “сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор”», цель которого – прославление Бахуса непомерным питием. Вывороченные наизнанку церковные обряды праздничных дней отвечали карнавальным канонам и едва ли напрямую связаны с церковными реформами Петра. ... Приемы пародии не менялись в течение столетий, и даже в Петровскую эпоху в верхах общества ее не воспринимали как святотатство, глумление над церковью. ... Стихия веселости коренилась в специфике средневековой ментальности: от снижения святых они не переставали оставаться чтимыми».